

К вопросу об исторической ответственности в трудах Х. Арендт
To the question of historical responsibility in the works of H. Arendt

*Штайн Оксана Александровна,
Кандидат философских наук, доцент
Центр медиафилософии
Санкт-Петербург, Россия
shtaynshtayn@gmail.com*

Аннотация

Ханна Арендт считает, что ответственность обнаруживает себя в голосе («persona» от «per» «sonare» – «сквозь голос»). Голос личности рождает не только отношение к событию, но и само событие.

Abstract

Hannah Arendt believes that the responsibility reveals itself in the voice ("persona" from "per" "sonare" – "through the voice"). The voice of the person gives rise not only to do with the event, but the event itself.

Ключевые слова: Арендт, историческая ответственность, событие, сознание, язык.

Keywords: Arendt, historical responsibility, the event, consciousness, language.

Конференция «Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего» состоялась. Из терминологии мы услышали разные варианты. Д. А. Томильцева связала историческую ответственность со справедливостью и сплоченностью. Прозвучали дефиниции «вины», «долга», «коллективной идентичности» и «теории памяти». Профессор В.Е. Кемеров внес определяющий терминологический акцент в методологическую составляющую дискуссии о рассмотрении исторического процесса сквозь призму объекта и субъекта. Профессор Т.Х. Керимов. в своем докладе «Апории ответственности» говорил о необходимости реконструкции ответственности как нормативном понятии, о вменяемости в нормативную инстанцию. Профессор В. Пенчев. обратил внимание на онтологические условия

исторической ответственности. Профессор Ю.Р. Вишневский рассматривал историческую ответственность как реконструкцию исторической памяти, которая формируется и деформируется одновременно. Профессор С.А. Азаренко очень красиво сказал о различности и размещенности во времени и языке, обнаружении себя в знаках и словах. А. Г. Кислов через логическую семантику норм и действий говорил об исторической ответственности с точки зрения модусов «обязательно», «позволено», «разрешено». С. И. Голенков говорил о «нудительности» ответственности и «осужденности» человека на свободу.

Казалось бы, с терминологической и методологической точки зрения конференция выполнила свою задачу. Мне бы хотелось упомянуть еще одну важную функцию нашего обсуждения – педагогическо-воспитательную. Почти все присутствующие на конференции – педагоги настоящие или будущие и знаю силу слова, сказанного с кафедры и донесенного до аудитории. В этом проявление личной ответственности, которая складывается в историческую.

Упомянутая на конференции Ханна Арендт считает, что ответственность обнаруживает себя в голосе («persona» от «per» «sonare» – «сквозь голос»). Голос личности рождает не только отношение к событию, но и само событие. Можно выкрикивать лозунги с трибуны, писать Петербургские дневники, фиксируя не только мятеж у Таврического дворца, но и дохлую мышь, которую продавали в Петрограде за 2 рубля во время «социального переворота», как это делала Зинаида Гиппиус. [2; 112] Можно «нашептывать» свои идеи как это вкрадчиво делал В.В. Розанов. Наш голос с кафедры – личная ответственность за произнесенное слово.

Ханна Арендт (1906-1975), ученица М. Хайдеггера, изучала политическую теорию, мышление, проблемы тоталитаризма, политическую философию Канта. Как-то Ханну Арендт на телевизионное интервью в октябре 1964 года пригласил журналист Гюнтер Гаус. Он спросил: «Госпожа Ханна Арендт, Вы – первая женщина, которую мы представляем в нашей программе. Вы философ?» [4; 87]. Арендт ответила: «Боюсь, сперва я должна возразить. Я не принадлежу к кругу философов. Моя профессия – политическая теория». [4; с.92] Она рассматривает исторические события с точки зрения теоретика политики.

Ханна Арендт училась в Марбургском, Фрайбургском и Гейдельбергском университетах. В своих политических взглядах она придерживалась нейтралитета, кроме времени Второй мировой войны. В 1933 году её вызывали в Гестапо, с 1933-1940 она вынуждена была бежать в Париж, оттуда в 1940 г. в США. В своих трудах Ханна Арендт пыталась обнаружить исток всего существования человеческого бытия, и прежде всего, исток его нравственного и морального существования. При ответе на этот вопрос она обращается к понятию персоны – «persona». Per- «сквозь», sonare- «голос». Персона – то, что проговаривается. Персона, или личность, проявляется в голосе, речи.

Каждый человек находится в сердцевине событий, отношений к нему. Он предъявляет себя другим через рассказ, также как события предъявляет себя через язык, который является условием мышления. Мышление – разговор с самим собой, внутренний диалог. Благодаря речи (у Хайдеггера «logos» – речь) говорящим существом является не вообще животное, а persona – тот, кто мыслит. «Я» рождает отношение к себе и отношение к другим. Мир Sociūma и мир Других персон определяют голос каждой личности. [1] Можно выкрикивать лозунги, читать доклады, шептаться за спиной, это всё-лицо личности.

Возможность осознавать себя осуществляется благодаря памяти, – обретение себя или осознание себя. Сознание соответствует совести. В европейских языках эти слова не отличаются. Совесть выворачивается в сознание, а сознание проявляется как совесть, следовательно, где сознание, там и совесть. Знание – всегда память, нежелание помнить – нежелание знать. Забвение – отказ знать не только окружающих, но и самого себя, отказ от совести и исключение себя. В пределах исторической или индивидуальной памяти «Я» замещается господином «Никто» (Das Man), или все, кто угодно, кроме меня. Ханна Арендт считает, что ответственность – это ответ личности. Она всегда личная, а если на месте «Я»-«Никто», то ответственности нет, это коллективная безличная безответственность: любой Другой, «Я» не обнаруживается. [1; 57] Это и объясняет нежелание помнить, снятие ответственности. Провалы исторической памяти преступны. Невозможно заставить целый народ забыть.

Ответственность и язык являются условием существования личности. Как только мы теряем ответственность, мы теряем себя, превращаясь в пустое место. Мышление – существование себя через совесть. Внутренний диалог позволяет укорениться в своей самости. Автоматически мыслящий индивид – аморальный индивид (mōros – традиция). Когда мы воспроизводим традиции автоматически, не принимая внутрь, не пропуская через себя, мы аморальны. Надо рискнуть мыслить, чтобы обнаружить себя – новый экзистенциальный поворот. Так, христианская мораль, по Канту, которого исследует Х.Арендт, это послушание, поэтому, чтобы обнаружить мораль, необходимо вернуться к дохристианской традиции. В пример Ханна Арендт приводит некоторые принципы Сократа: 1) лучше несправедливо страдать, чем совершать несправедливый поступок; 2) если совершил несправедливый поступок, лучше быть наказанным. Способен ли ты жить в разногласии с самим собой? – вопрос, который должен задать себе каждый. «Идеал жизни для каждого – создать внешний мир, который бы позволил жить в гармонии с самим собой». [1; 119].

Отказ от мышления – преступление против самого себя. Common sens, некий социальный инстинкт, здравый смысл, объединяет меня с другими, одновременно обезличивая. Социальный инстинкт не требует мышления, он требует только исполнения. Вот он, Адольф

Эйхенбаум, утверждающий в судебном процессе, что не совершал преступления. Он исполнял. В этом примере раскрывается «банальность зла». Человек, в руках которого все железнодорожные пути в Аушвиц, в руках которого жизни тысяч людей, сидя в стеклянной камере, утирает носовым платком нос и кажется немощным и неопасным. Демонический образ мирового зла рушится, когда в залах судебных заседаний преступники начинают вести себя как заурядные скромные исполнители, вызывая жалость у своих же жертв. Самое большое зло в мире вершится исполнителями, которые никогда не раскаются в преступлении. Поэтому Сократ был опасен для полиса. Он взывал к мышлению, а не к механическому подчинению. Право не выбирать – тоже является выбором. Объяснение «я не могу» достаточно для нового действия. Моя воля приведет меня к тому, с чем я согласен жить. Отказ от мышления – это вина, это и есть преступление против гуманизма. Пример: суды, восполняющие традицию. Если под давлением общественного мнения выносятся приговор, то это снятие ответственности.

Политика выводит за пределы права, становясь политикой противоправия. Политика – ограничение права, а совесть и мораль за пределами политики. Замалчивание – ситуация несообщаемости или забвения. Речь тоже является социальным актом. [1] Думается, политическая теория Ханны Арендт особо актуальна в период политических недомолвок, информационных поводов и резонансов, революций, ведь понятие «холодной войны» связано как раз с речью и замалчиванием, а не с тотальным военным театром действий. Х.Арендт говорит, что ответственность и язык являются условием существования личности. Автоматически мыслящий индивид, поддающийся давлению Common sens, аморален. Когда мы воспроизводим традиции автоматически, не пропуская через себя, мы аморальны. Надо рискнуть мыслить, чтобы обнаружить себя. Социальный инстинкт не требует мышления, он требует подчинения. Сколько людей подобно Адольфу Эйхенбауму, считают себя лишь исполнителями, отказываясь от ответственности, то есть от мышления. Отказ от мышления – это право не выбирать.

Литература:

1. Арендт Х.О революции. – М.: Европа, 2011.
2. Гиппиус З.Н. Петербургские дневники З.Н. Гиппиус. Тбилиси: Мерани, 1991.
3. Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт: бытие-время-любовь. – М: Гаудеамус, 2013.
4. Разговор с Гюнтером Гаусом. Телевизионное интервью. Октябрь 1964 г. // Социологическое обозрение. – 2003. – № 1.